

Олеся Кирчик

Marion Fourcade. Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s. Princeton: Princeton University Press, 2009. 388 p. ISBN 978-0-6911-1760-7.

Олеся Кирчик. Адрес для переписки: Институт статистических исследований и экономики знания НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, д. 18, к. 310, Москва, 101000, Россия. okirchik@hse.ru.

Книга Марион Фуркад, вышедшая в престижной серии *Princeton studies in cultural sociology*, немедленно удостоилась самых восторженных отзывов именитых коллег. Экономсоциолог Фрэнк Доббин назвал книгу «шедевром», обнаруживающим «глубокое понимание институциональных различий между Британией, Францией и Соединенными Штатами». Лауреат Нобелевской премии по экономике Джордж Акерлоф охарактеризовал ее как «революционную книгу», ставшую «откровением для экономистов». Кроме того, в 2011 году «*Экономисты и общества*» удостоилась премии за выдающееся научное исследование Американской Социологической Ассоциации (ASA Distinguished Scholarly Book Award) и ряда других престижных премий. Чем вызван такой успех первой, написанной на основе диссертации, книги американской исследовательницы? Представляется, что помимо несомненно высокого качества проделанного анализа и искусства письма, признание коллег указывает на своевременность книги, причем в нескольких отношениях.

Во-первых, книга появилась во времена нестабильности мировой экономической системы, начавшейся с ипотечного кризиса 2007 года. Тяжелое финансовое положение отдельных крупных организаций и целых стран заставило обратить более пристальное внимание на вопросы экономики и производства научного знания в этой области. Текущий кризис в очередной раз поставил под сомнение способность современной экономической науки предсказывать развитие глобальной экономики и ту форму универсальности, к которой она апеллирует, претендуя на статус *позитивной науки*. С этим связано усиление риторики кризиса экономической теории, парадоксальным образом совпавшее с усилением позиций доминирующей неоклассической парадигмы. Последняя исходит из представления о рациональном, не связанном никакими социальными принуждениями поведении экономических агентов, стремящихся к максимизации своей прибыли, и о желательности свободного, по возможности ничем не ограниченного рынка, являющегося условием равновесия в экономике, существование которого нашло формальное обоснование в виде системы уравнений в 1950-е годы. Прделанный в книге Марион Фуркад анализ интеллектуального и организационного развития экономики в США, задавшей стандарты для развития современной экономической науки (*economícs*) в других странах, позволяет лучше понять механизмы, посредством которых экономисты смогли осуществить, по выражению Хабермаса, «колониза-

цию жизненного мира» и укрепить свое влияние, простирающееся от государственного аппарата до корпоративного управления и хозяйственных практик.

Тем самым книга Марион Фуркад внесла весомый вклад в социологию экономики – относительно новую область социальных исследований, предметом рефлексии которой являются социальные аспекты производства и циркуляции экономического знания. Исследовательская программа этой новой субдисциплины, во многом опирающаяся на историю и философию экономики, социологию науки и профессий, была намечена в объемном труде Альфреда Коатса, посвященном социологии и профессионализации экономики (Coats 1993). С конца девяностых годов появился целый ряд работ, показывающих различные аспекты развития экономической науки в отдельных странах, влияние экономических идей и экономистов на политику, а также на рынки и хозяйственные практики, механизмы экспансии неоклассической парадигмы и интернационализации экономического знания (Yonay 1998; Lebaron 2000; Dezalay and Garth 2002; MacKenzie et al. 2007). В свою очередь, работа Марион Фуркад является попыткой предложить более систематический анализ развития экономической науки (и, следует добавить, – профессии, хотя граница между ними в книге подчас зыбка, и проблема их разграничения, к сожалению, не обсуждается подробно) с конца XIX века по нынешний день в институциональных контекстах США, Великобритании и Франции. По амбициозности замысла она сравнима с книгой Фрэнка Доббина об индустриальной политике в трех этих же странах (Dobbin 1994).

Во-вторых, актуальность книги связана с ростом интереса среди социологов к сравнительно-исторической методологии, ориентированной не на измерение статистической связи между переменными, а скорее на глубокий анализ отдельных случаев. Выявление различий и сходств между рядом отобранных случаев позволяет уйти от описательности и сингулярности case study с целью обнаружить закономерности либо сформулировать гипотезы, предлагающие определенные конфигурации «причин» и «следствий». Внимание к отдельным случаям, взятым «во всей их сложности», предполагает также отказ от универсальных категорий, таких как «государство», «экономика», «университет», само содержание которых оказывается исторически и географически вариативным. Во введении к книге Марион Фуркад объясняет сконструированный ею для целей данного исследования метод, который она называет критическим организованным сравнением (*critical organized comparisons*). «Критический» в данном случае отсылает к археологической критике понятий, задающей вопрос об исторических условиях, делающих возможным их появление и определяющих их содержание в конкретном месте в конкретный момент времени. Различающиеся наборы практик и значений, ассоциируемые с термином «экономист», конституируются исторически и определяются специфическими национальными контекстами. Таким образом, главный вопрос книги состоит в следующем: что значит быть экономистом в США, Великобритании и Франции?

С целью ответить на этот вопрос Марион Фуркад предпринимает историческую реконструкцию развития экономического знания в каждой из трех стран, показывая связь между стилем мышления и практиками экономистов, образуя

щими специфические национальные констелляции, и «культурой». Она предлагает три уровня концептуализации этой связи: политическая культура (то есть связь экономического знания с существующими концепциями политического порядка), институциональная организация (ответственная за производство и воспроизводство экономического знания через систему образования, административный и экономический порядок), наконец, конкретные формы знания (теории, концепты, методы), определяемые культурными представлениями, но также влияющие на производство этих представлений. Специфика национальных констелляций схвачена в книге в емких формулах американского «меркантильного профессионала», британского «благородного ученого» и французского «администратора-технократа».

Ключевым понятием, связывающим институциональные контексты и интеллектуальные формы, в схеме, предложенной Марион Фуркад, служит понятие профессиональной юрисдикции, которая может быть понята как «практический мир», в котором обитают акторы, претендующие на обладание экспертным знанием об экономике. Так, во Франции профессиональные экономисты имеют ограниченную юрисдикцию в сфере бизнеса, а экономическая экспертиза укоренена внутри государственной администрации, в отличие от США, где университетская наука имеет тесные связи с юристами и финансовыми рынками и где развито частное консультирование правительственных органов. Объяснительными факторами в этих контрастных случаях служат диаметрально противоположные представления о роли государства в управлении экономикой и соответствующие различия в институциональной организации образования и исследований в сфере экономики, а также в публичной роли экономистов. Многозначное и трудно определяемое (и не потому ли приобретшее большую популярность в последние годы, отличающиеся теоретической эклектичностью и идеологической неопределенностью) понятие «культуры» позволяет связать все эти разнообразные элементы описания в единую конструкцию.

Плотность объяснительной схемы (множественность факторов и следствий, соразмерная сложности предмета) имеет обратной стороной избирательность описания, подчас спорные обобщения, неизбежные лакуны и недостаточную прорисовку деталей. Знатоки истории экономической науки в одной из трех стран, без сомнения, найдут в книге букет умолчаний и неточностей. Осознанный выбор в пользу концептуальной сложности и эвристичности исторического описания также несет в себе риск сказать слишком много и одновременно – слишком мало. Предположения о том, что экономическое знание определяется культурой, или что миры экономики, госадминистрации и науки тесно переплетены между собой, интуитивно понятны и могут иллюстрироваться отдельными убедительными примерами, но список выбранных «факторов» или «механизмов» всегда рискует выглядеть неполным и произвольным. Однако интерес такого рода исследований состоит, конечно, не в энциклопедичности и не в дотошности описания (равно как и не в математической точности), но в попытке предложить общую концептуальную схему сложных процессов. В случае удачи подобные работы дают новое видение предмета и становятся источником новых исследовательских программ.

Несмотря на недостатки, которые отчасти являются издержками реализуемого подхода, «*Экономисты и общества*» – в известном смысле образцовая книга, которая будет интересна не только социологам и историкам экономики, но и специалистам по другим наукам. Анализ экономического знания в сравнительно-исторической перспективе может также оказаться полезным историкам, экономистам, социологам, антропологам, изучающим институты и чувствительным к географической и исторической вариативности социальных явлений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Coats, Alfred W. 1993. *The Sociology and Professionalization of Economics*. London; NY: Routledge.
- Dezalay, Yves and Bryant G. Garth. 2002. *The Internationalization of Palace Wars: Lawyers, Economists, and the Contest to Transform Latin American States*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Dobbin, Frank. 1994. *Forging Industrial Policy: the United States, Britain, and France in the Railway Age*. Cambridge, NY: Cambridge University Press.
- Lebaron, Frédéric. 2000. *La croyance économique. Les économistes entre science et politique*. Paris: Seuil.
- MacKenzie, Donald A., Fabian Muniesa, and Lucia Siu. 2007. *Do Economists Make Markets?: On the Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press.
- Yonay, Yuval P. 1998. *The Struggle Over the Soul of Economics: Institutional and Neoclassical Economists in America Between the Wars*. Princeton: Princeton University Press.